

А. Л. Стризо

КОНЦЕПЦИЯ «ОБЩЕСТВА РИСКА» И НЕКОТОРЫЕ СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ ЛИЧНОСТИ, ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА

В статье рассматриваются возможности использования концепции «общества риска» применительно к анализу проблем национальной безопасности. Отмечается, что широкое понимание безопасности как безопасности государства, общества и личности связано с риском выбора между конфликтом и консенсусом интересов. Подчеркивается связь проблем безопасности с субъектными рисками и их трансформацией в политические вызовы. Раскрываются риски государственной безопасности, связанные с обеспечением баланса отношений патронажа и гражданского участия, а также выбором режима и условий международной интеграции. Указывается на связь общественной безопасности с выбором форм и векторов направленности растущей активности граждан. Риски личной безопасности связываются с комплексом условий, необходимых для реализации прав человека, с решением проблем идентичности, включением личности в виртуальные сообщества, а также с дискуссией о приоритете индивидуальных и коллективных прав. Автор обращает внимание, что обеспечение личной и общественной безопасности невозможно без учета существующих в обществе культурных ориентаций, разделяющих интегрирующее общество коллективные ценности и ценности приватной сферы, индивидуального стиля жизни.

Ключевые слова: общество риска, национальная безопасность, государственная безопасность, общественная безопасность, безопасность личности, социальные риски, социальные вызовы.

A. L. Strizoe

RISK SOCIETY CONCEPT AND SOME MODERNS ISSUES OF SECURITY OF PERSON, SOCIETY AND STATE

The article considers different approaches to studying risk society concept that is used to analyse national security issues. It is noted that a broad understanding of security as a security of state, society and person involves a risk of choosing between conflict and consensus of interests. The relation of security issues with subjective risks and their transformation into political challenges is emphasized. Risks of state security related to ensuring balance of relations between patronage and civic participation, as well as to a choice of mode and conditions of international integration are revealed. The interrelation of social security and a choice of forms and vectors

of growing activity of citizens is specified. Personal safety risks are associated with a set of conditions necessary for human rights realization, identity problems solution, inclusion of a person into virtual communities, as well as discussion about the priority of individual and collective rights. The author emphasizes that ensuring personal and social security is impossible without taking into consideration actual cultural orientations, dividing collective values and values of private sphere, individual lifestyle that integrate society.

Keywords: risk society, national security, state security, social security, security of person, social risks, social challenges.

Современное общество, насыщенное технологиями, информацией и знаниями, осмысливает проблемы своей безопасности не только в тесной связи с многообразием локальных, региональных и планетарных процессов, далеко не всегда управляемых и предсказуемых, но и в свете неоднозначного характера многообразных взаимодействий личности, общества и государст-

ва, когда выявляются все новые и новые аспекты этой достаточно хорошо изученной проблемы [1]. Дальнейшее углубление ее исследования связано с формированием различных дискурсов анализа: военно-технического, геополитического, социально-философского, информационно-культурологического.

В отечественной науке и философии «безопасность рассматривается в отношении триединства — личности, общества, государства» [1, с. 16]. Данная позиция фиксирует результат эволюции понимания безопасности от традиций государственной школы к признанию важности гарантий прав человека, а затем к осознанию односторонности их изолированного рассмотрения и смещению фокуса исследования безопасности к проблемам обеспечения стабильности и предсказуемости социальной активности и различных форм коммуникации. Утвержденная Указом Президента в 2009 г. и позднее дополненная Стратегия национальной безопасности России до 2020 г. исходит из того, что общество, наряду с государством и личностью, является самостоятельным объектом политики безопасности. Поскольку в современном общественном сознании признана относительность границ между объектом и субъектом, то в контексте анализа безопасности ее субъекты не могут быть сведены, как это было еще совсем недавно, к органам государства и, прежде всего, спецслужбам и правоохранительным структурам, а включают наряду с гражданами различных представителей общества. Исследователи проблемы безопасности указывают, что рост количества и изменение качества субъектов национальной безопасности и «массовизация» национальной безопасности, ее превращение в социальный императив и значимую для масс ценность являются одной из существенных особенностей политики безопасности начала XXI в. [2]. Эта тенденция не может не увеличивать риски современной политики безопасности.

В плане социально-философского и социологического анализа важно, что наличие триединой основы безопасности указывает на возрастание роли достижения и поддержания баланса интересов общества и государства, публичной и частной жизни, актуальных и перспективных социально значимых целей и ценностей. На этом балансе строится явно или неявно выраженный базовый общенациональный (гражданский) консенсус — один из факторов устойчивости современного общества, стабильности сложившегося в нем социального порядка. Все это требует активности органов СМИ, образования, культуры, негосударственных структур, использования механизмов

социальной самоорганизации. С другой стороны, национальная безопасность сегодня обеспечивается в условиях нарастающей динамики и неравномерности трансформации социокультурной среды, повышения активности субъектов власти и управления, а также перехода многих социальных процессов с национально-государственного и регионального на глобально-планетарный уровень. При этом стихийность и связанная с ней неопределенность социальных изменений дополняются непредсказуемостью, обусловленной сложностью выбора, совершаемого при принятии решений. Все это позволяет строить современные дискурсы национальной безопасности на основе социально-философской концепции «общества риска» и связанных с ней теоретических положений.

Использование этой концепции при исследовании пространства безопасности ставит под вопрос применение традиционных формально логических представлений, в соответствии с которыми, как отмечал Г. Х. Вригт, возможны две модели пространства, когда оно мыслится либо как абсолютно безопасное, т. е. исключается существование опасности как онтологической реальности, либо когда предполагается «негативная» модель максимально насыщенного опасностью пространства (войны, катастрофы, конфликта) [3, с. 137]. В обоих случаях характеристики деятельности субъектов и их социального выбора оказываются односторонними и схематичными. В первом — субъекты продуцируют лишь конструктивные, безопасные для общества результаты, во втором — являются источниками абсолютной деструкции. Указывая на неоднозначность любого социального процесса, а также на противоречивость любого из вариантов выбора, на неоднозначность и открытость их последствий, концепция общества риска постулирует онтологическую неоднородность общества, многообразие вариантов сочетания в нем опасности и безопасности.

Неравномерность социального развития и неопределенность его результатов, их различная — движимая стихийным ходом событий или разумным замыслом — природа делают невозможным представление социального пространства как пространства, лишённого

опасностей и угроз, а значит понимания безопасности как отсутствия деструктивных и дестабилизирующих общество факторов. Более того, органическая связь рисков социального развития с выбором субъектов указывает на принципиальную невозможность устранить риски, ставит вопрос об управлении выбором, снижающим опасности причинения ущерба обществу и непредсказуемого развития. В этих условиях безопасность должна пониматься не просто как способность противостоять опасностям и угрозам, но и как способность осуществления активных — упреждающих или ответных — действий, снижающих неизбежные социальные издержки политики и управления. В этом смысле возможны ситуации, когда обеспечение безопасности требует выбора не между злом и благом, выбора меньшего зла.

Нуждается в уточнении в характер опасностей, с которыми приходится иметь дело в «обществе риска» на рубеже XX—XXI вв. Они не могут быть сведены к объективным факторам или воле субъектов, их использующих. В этом смысле понятия «опасность» и «угроза» не исчерпывают всего содержания существующих в современном обществе деструктивных феноменов. Сегодня к ним можно причислить и опасности некомпетентного или неумелого принятия решений; опасности психологической неустойчивости или манипуляции субъектами, осуществляющими власть и управление; а также опасности, связанные с «конструированием» нестабильности, с реализацией стратегии разрушения обществ посредством различных средств экономической дезорганизации, размывания культурной идентичности, создания параллельных структур власти и управления и выполнения ими функций, дублирующих официальные институты. Перед нами, с одной стороны, вызовы власти и обществу, брошенные частью элиты, претендующей на создание и реализацию альтернативных легитимной власти структур и стратегий развития. С другой — риски, связанные с попытками ответить на эти вызовы. Именно вызовами и рисками, с ситуациями системных и субъективно конструируемых опасностей и угроз, а также с неоднозначными по адекватности, т. е. насыщенными рисками ответами нам приходится

во все более возрастающей мере сталкиваться в начале XXI в.

В отечественном общественном сознании существуют различные мнения о содержании понятий «вызов» и «риск». В отдельных случаях авторы склонны видеть в вызовах не содержательные (социально-политические), а субъективно значимые, психологически переживаемые стороны. Например, высказывается мнение, согласно которому «вызов» можно идентифицировать как проблему или совокупность проблем, получивших по ряду причин на данном отрезке времени сильное звучание и обостренно воспринимаемых, имеющих приоритетное значение для национальной безопасности и требующих точной оценки, безусловного и адекватного ответа [4, с. 24]. Представляется, что современный социально-политический вызов формируется в процессе борьбы конфликтующих сторон и означает вступление этой борьбы в ситуацию, когда другая сторона конфликта встает на путь сознательной и последовательной реализации курса на перехват социально-политической инициативы с последующей реализацией своих замыслов, планов, стратегии власти и управления. Вызов — это системная и сознательно выстроенная социально-политическая конкуренция. С другой стороны, риск означает ситуацию выбора, таящего в себе значительную вероятность наступления неблагоприятных и непредсказуемых последствий для действующего субъекта. Опасность и связанные с ней потери и деструкции могут стать здесь следствием благих устремлений. Их избегание может потребовать выбора меньшего зла (компромисса на невыгодных условиях) либо выжидания, также таящего возможность потерь времени или инициативы. Как правило, сегодня ситуация выбора сопровождается системной рефлексией соотношения сил, условий, целей сторон, имеющихся у них ресурсов. Таким образом, и здесь перед нами системно организованное осмысленное действие. Дополнение опасностей и угроз вызовами и рисками свидетельствует о качественном усложнении современных проблем безопасности и многообразии активных попыток их разрешения.

В сфере государственной безопасности специфический характер деструктивные тенденции приобретают в условиях, когда неравномерность процессов модернизации и связанные с ними

становление и укрепление национальных государств накладываются на процессы глобальной интеграции или глобального геополитического передела сфер влияния, ослабляющие функции локального национально-государственного регулирования. В одних случаях это наложение проявляется

в распространении среди молодых или вновь возникших государственных образований феномена «дефектных» или «несостоявшихся» государств, когда при юридической оформленности и формальной легитимности обнаруживается функциональная неспособность институтов поддерживать законный порядок или даже контролировать территорию. В других случаях налицо ситуация, когда структуры власти фактически «приватизируются» клановыми объединениями, закрытыми корпорациями, национальными или международными монополиями, создавая на отдельных локальных пространствах особые режимы управления.

Ввиду неразвитости механизмов внешнего контроля и при недееспособности или неэффективности контроля внутреннего (правоохранительные органы) внутри формально демократических структур создается ситуация, когда избранные в соответствии с демократическими процедурами должностные лица концентрируют в своих руках власть, посредством расстановки кадров незаметно превращающуюся в номенклатурные назначения, и ставят под монопольный контроль органы управления, финансы, государственные корпорации, СМИ, направляя их деятельность тем или иным образом [5, с. 94, 95]. При этом личные, групповые и кланово-корпоративные интересы подменяют и оттесняют не только общественные, но часто и национально-государственные. Риск политического развития в обоих случаях сводится не к выбору между демократией и авторитаризмом, поскольку описанный механизм работает в обоих случаях, а к выбору между патронатом — неважно, какой риторикой прикрываемым, — и моделью, сочетающей патронат, социальный контракт и связанное с ним гражданское участие. При этом, во-первых, сохранение отношений патроната связано с неготовностью граждан к участию и контролю на всех уровнях и во всех формах, с необходимостью времени для формирования опыта участия и контроля. Во-вторых, особую роль играет правовая политика,

предполагающая постепенное расширение режима демократического участия и контроля.

С механизмом взаимодействия локальных, национально-государственных и глобальных интеграционных процессов связан еще один риск, актуальный сегодня для сферы государственной безопасности. Невозможность для отдельных обществ изолировать себя от влияния мирового рынка, политики транснациональных корпораций, сети информационного и культурного взаимодействия ставит их перед необходимостью ответа на вызов регулирующих эти процессы наднациональных экономических и политических структур, требует определить цели, условия и характер участия в их деятельности. Решить эту задачу невозможно, ни следуя инерции исторических традиций, ни уповая на объединяющую стихию этнокультурного родства, ни вступив на путь безоглядного подчинения давлению формирующегося сегодня глобального управляющего класса как одного из активных создателей нового мирового порядка [6]. Альтернатива в этом случае применительно к целям интеграции выглядит как выбор между консервативным сохранением властвующей элиты и выгодного им экономического и административного порядка или реализацией модернизационных проектов, изменяющих все втянутые в них общества. В условиях неравномерности протекания социально-экономических и культурных процессов у национальных государств возникает выбор между интеграцией в сообщество, заметно превосходящее данное государство по основным параметрам развития, или объединение с близким по уровню развития сообществом. При выборе в пользу инновационных изменений оба варианта интеграции могут существенно различаться характером складывающихся отношений. Первый вариант не исключает того, что динамичный центр сыграет роль локомотива по отношению к отстающей периферии, но в то же время с достаточно большой вероятностью допускает, что периферия останется зависимым придатком центра, получающим избирательное и остаточное финансирование. Второй сценарий не обещает быстрого рывка вперед, но создает условия для равноправного партнерства с перспективами лидерства в отдельных сферах деятельности. Вместе с тем интеграция «стран второго эшелона» не означает

их изоляции от лидеров мирового развития и предполагает выстраивание с ними если не союзнических, то конструктивных отношений.

Обеспечение общественной безопасности в рискогенном социуме связано с учетом глубинных тенденций развития индивидов и общностей, заключающихся в росте социальной активности, возвышении и диверсификации потребностей, повышении роли и расширении сферы самоорганизации, формировании сетевых связей и зависимостей в разных сферах деятельности. Эти обстоятельства умело используются в технологиях «мягкой силы», при конструировании «цветных революций», «революций достоинства», иных протестных движений, использующих потенциал гражданской активности жителей мегаполисов, «креативного класса» или жажду «социального реванша» люмпенизированных и маргинализированных слоев общества. Консервативная идеология, лозунги социального патроната, традиционалистской консолидации во имя семьи, веры и порядка могут дать паллиативный эффект, но уже в среднесрочной перспективе обнаруживают свою слабость как альтернатива новейшим вестернизированным формам социальной деструкции.

Риск социального раскола и анархии может быть минимизирован с учетом того обстоятельства, что удовлетворение утилитарных и материальных потребностей в условиях урбанизированной среды и информационно-коммуникативной революции стимулирует развитие в первую очередь социальных, а вовсе не духовных потребностей. Последние актуализируются лишь по мере накопления социального опыта и рефлексии собственного места в социальной коммуникации, качества принимаемых на себя социальных ролей, связанных с ними решений и жизненных перспектив. Удовлетворение духовных потребностей требует от субъекта интеллектуальных и моральных усилий, в то время как повседневные формы общения — адаптации к среде на уровне здравого смысла и индивидуального желания. Вырастающие из практик повседневности современного общества стремления к участию и самоорганизации, став объектом сознательной манипуляции, легко принимают радикальные и деструктивные формы, лишаясь способности видеть все многообразие способов решения волнующих общество проблем.

В ситуациях, когда удовлетворение утилитарных и материальных потребностей принудительно консервируется, а альтернативные формы самореализации недоступны или отсутствуют, стихийное нарастание социального протеста становится еще более вероятным. Хотя значительное количество граждан согласно формально принять традиционный образ жизни, имитируя его ценности самоограничения, социальной дисциплины, верности и служения, но оно не готово к реальным и систематическим материальным издержкам и потерям, ограничениям в использовании благ «цивилизации развлечения и досуга», регламентации сферы частной жизни.

Конструктивная программа управления рисками социальной деструкции должна строиться на создании и пропаганде для молодежи и активных слоев населения разных возрастов позитивных перспектив профессионального и социального роста, расширения доступа к лифтам социальной мобильности, совершенствования механизмов отбора людей с различными дарованиями и способностями, развития сферы муниципального самоуправления, расширения ее бюджетно-финансовых возможностей. Интересы безопасности всего общества требуют, чтобы перспективы позитивного социального роста могли быть реализованы во всех регионах страны или, по крайней мере, в региональных центрах, а не быть ориентированы лишь на столицы федерального уровня, на интересы локализованных в них элит. Устойчивость и динамизм современного российского общества, отличающегося неравномерностью социально-экономического и культурного развития, требуют диверсификации моделей муниципального управления, прежде всего в мегаполисах и крупных городах, где выше уровень информированности, образования, социальных ожиданий, потребности в разных формах участия. Канализация этих потребностей, насыщение их реализацией и позитивным опытом реализации требуют, по нашему мнению, сосредоточения инновационных усилий не столько на федеральном (макросоциальном и институционально-политическом), сколько на региональном и поселенческом уровнях.

Идеологическим выражением и обоснованием подобной политики безопасности, реализующей

идею «превентивной демократии» (В. Л. Иноземцев), могли бы стать идеи справедливого социального контракта и партнерства. Сторонами его выступают государство и его органы, отдельные граждане и гражданские ассоциации в широком смысле слова (общественные организации, НКО, местное самоуправление). Выбор этих концептов опирается не только на идеологическую традицию социал-либерализма и социал-демократии, но и опыт российского реформирования, показывающих если не утопичность, то минимальную, несоответствующую остроте проблем эффективность как идеологии ортодоксального либерализма, уповающей на всеислие механизмов социальной конкуренции, так и идеологием консерватизма

с его проповедью иерархии и благотворительного патронажа, призывающим к самоограничению и самопомощи. Представляется, что сегодня в российском обществе пока не сложился механизм цивилизованной, основанной на праве и профессиональной этике конкуренции, отсутствуют способность и готовность субъектов бизнеса возложить на себя социальную ответственность

и осуществлять систематическую меценатскую деятельность с учетом запросов общества, крайне ограничены свободные средства для самопомощи граждан.

В рамках справедливого социального контракта и партнерства открывается возможность реализации идей адресной и стимулирующей социальной помощи, соучастия государства и отдельных граждан в решении социальных проблем, поддержки формирования установок на принятие на себя гражданами ответственности за участие в делах общества и государства. Уроки развития кризиса на Украине показывают, что отказ Партии регионов от реализации первоначального программного требования расширения региональной, в том числе финансовой, самостоятельности, демократизации местного самоуправления привел к тому, что украинская общественность (громада) породила движения радикальной и экстремистской направленности, не только не снизившие остроту противостояния в обществе, но и в самых разных формах усилившие угрозу национальной безопасности.

На рубеже XX—XXI вв. становится все более ясно, что обеспечение безопасности личности не

тождественно провозглашению незыблемости прав человека и проведению правовой политики по их реализации. Все это является важной, но лишь исходной точкой движения к современному пониманию и практике обеспечения личной безопасности. Во-первых, права человека и гражданина реализуются и превращаются в значимую ценность лишь при наличии определенных экономических, политических и социокультурных условий. Вопрос о мере наличия этих условий в России более сложен, чем может показаться, если смотреть на него сквозь призму идеологической полемики и мифологем, и требует особого обсуждения. Признавая важность утверждения прав человека и гражданина как социально значимой ценности, мы полагаем, что движение

к этой цели не может быть спрямленным, перепрыгивающим в угоду конъюнктуре через объективно обусловленные этапы.

Во-вторых, субъективное ощущение безопасности и ее общественное признание достигаются лишь при достаточно глубокой и активной адаптации личности к окружающей ее среде, отсутствию в ней общностей и групп, подвергаемых дискриминации и гонениям. В этом смысле нельзя не согласиться с Н. В. Романовским, справедливо подчеркивающим непосредственную связь проблем самоидентификации граждан, их гражданского самосознания и сплоченности с обеспечением национальной безопасности [7, с. 99]. Характер индивидуальной и групповой идеентичности выявляет основания, качество, устойчивость социальной солидарности, способности социальной среды реагировать на внешние воздействия мигрантов, культурных меньшинств, корпораций и власти. Важность социокультурных проблем обеспечения безопасности понимается и в среде специалистов, близких к политико-правовым и военно-политическим аспектам проблемы. Так, например, А. И. Поздняков выделяет наряду с официальным (военно-политическим)

и системно-философским еще и аксиологический подход к проблеме безопасности, ориентированный на достижение защищенности значимых для общества, коллективов и личностей ценностей и связанного с ними национального достояния [8, с. 91]. Разделяя значимость аксиологического аспекта проблемы безопасности,

подчеркнем, что ценности как феномен духовной жизни соотносятся с политикой безопасности не прямо, а через призму актуального социального опыта, через контекст культурной повседневности, который далеко не всегда укладывается в прямолинейную логику идеологий и метафизику философско-исторических построений.

В-третьих, информационная революция, породив социальные сети, привлекла внимание к латентным, протекающим в рамках частной жизни процессам коммуникации, включения личности в виртуальные сообщества. Их устройство и специфика функционирования позволяют создать и поддерживать у нее впечатление комфортного общения с единомышленниками, иллюзию социального, а иногда и личного благополучия и признания. Имеющийся опыт показывает, что контроль над этими сетями и механизмом вовлечения в них неопитов может находиться в самых разных руках, среди которых могут оказаться не только относительно безобидные любители розыгрышей или мошенники, но и разного рода провокаторы, авантюристы, представители организованных преступных и международных террористических сообществ. Контроль над этой непубличной стороной коммуникаций, формирование психологической устойчивости и социокультурного иммунитета не достигаются административными средствами, в том числе цензурными ограничениями или пропагандой религиозно-консервативных ценностей и традиционного уклада жизни. Меры социально-психологической помощи и профилактики будут эффективны лишь при наличии пространства самостоятельного свободного выбора, привлекательных перспектив социокультурного или статусного роста, возможности значимых для личности достижений.

Смещение акцентов современной политики безопасности на микросоциальный уровень, в сферу повседневного индивидуального общения вновь обращает нас к вопросу о приоритетах деятельности в сфере безопасности. Как полагает П. К. Гречко, в современном общественном сознании утвердились два подхода к национальной безопасности. Первый, по своей сути западный подход, заключается в том, что национальная безопасность обеспечена в том случае, когда обеспечена безопасность личности. Второй

отдает приоритет безопасности государства и общества. Он в большей мере соответствует российскому Национальному характеру, исторической традиции отношений, когда государство выступало защитником личности. Ученый констатирует, что активное насаждение ценностей западной цивилизации ведет к недооценке важности государственной и общественной безопасности, что и может превратиться в угрозу национальной безопасности России как самодостаточному государству и особой цивилизации [9, с. 105]. Проблема, затронутая П. К. Гречко, является, по нашему мнению, частным случаем полемики либерализма и коммунитаризма об индивидуальных и коллективных правах и еще более фундаментального спора номинализма и реализма об онтологии единичного и общего. Их решение применительно к рассматриваемой нами проблеме безопасности обусловлено, по нашему мнению, оптикой исследовательского взгляда, поскольку в обществе реализация права может быть и индивидуальной, и массовой (статистически, а значит и социально-политически значимой).

Обоснование этой оптики требует дистанцироваться от идеологических клише и обратиться к обоснованным наукой тенденциям социокультурного развития в конце XX — начале XXI в. Одна из них — индивидуализация (плюрализация) образа и стиля жизни личности и общества, связанная с доминированием автоматизации и информатизации в сфере производства, услуг, рекреации. Как показали исследования отечественных социологов, адаптационный индивидуализм присутствовал в советском образе жизни, а сегодня эгалитарно-коллективистские установки и ориентации, о доминировании которых так любят говорить сторонники российской уникальности, присущи россиянам отнюдь не в большей мере, чем жителям европейских стран. Аналогичным образом россиян нельзя назвать противниками частной собственности [10, с. 17]. Все это требует особого внимания к сфере личной безопасности, охватывающей частную жизнь и повседневные практики. То, что негласная культурная конвенция считает значимым для личности и сферы частной жизни, должно быть признано приоритетом в политике безопасности по сравнению с интере-

сами общества и государства. Из-за того, что культурная конвенция и общественное мнение, достаточно инерционные в сфере базисного аксиологического консенсуса, считают приоритетом социального большинства или ценностями, объединяющими власть и народ, здесь уместна и необходима социоцентрическая оптика. Возникающие при этом нестыковки, как и все проблемы обеспечения безопасности в современном обществе, требуют в своей диагностике и разрешении комплексного, политико-правового, социокультурного и социально-пси-хологического подхода. Лишь на этом пути, избегающем соблазна простых и алармистских решений, можно выстроить адекватную реальности и не лишенную позитивных перспектив стратегию обеспечения национальной безопасности.

Примечания

1. Обзор различных точек зрения российских исследователей на содержание понятий «безопасность», «опасность», «угроза» и т. п. См.: Зеленков М. Ю. Теоретико-методологические проблемы теории национальной безопасности Российской Федерации. М., 2013.
2. Демченко С. В. Трансформация концептуальных основ теории национальной безопасности в начале XXI столетия [Электронный ресурс]. URL: www.milpol.ru/data/2009/1_08/2.doc (дата обращения: 18.04.2015).
3. Вригт Г. Х. Психофизиологическое взаимодействие и замкнутость физического миропорядка // Логический анализ языка. Космос и хаос: Концептуальные поля порядка и беспорядка / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М., 2003.
4. Труханов В. А. Система национальной безопасности: влияние социального фактора (на примере казачества): автореф. дис. ... д-ра полит. наук. М., 2003.
5. Нисневич Ю. А. Правящая номенклатура сегодня: «захват государства» // Общественные науки и современность. 2014. № 5. С. 88—97.
6. Делягин М. Глобальный управляющий класс. Новая мировая элита на авансцене истории // Свободная мысль. 2012. № 1/2. С. 74—86.
7. Романовский Н. В. Еще раз о роли теоретической социологии // Социологические исследования. 2014. № 7. С. 93—101.
8. Поздняков А. И. Система основных понятий теории национальной безопасности с позиций ценностного (аксиологического) подхода // Безопасность России в XXI веке. М., 2006.
9. Гречко П. К. К вопросу о понятии «национальная» безопасность // Социально-политический журнал. 1998. № 3. С. 94—106.
10. Тихонова Н. Е. Социокультурная модернизация в России (Опыт эмпирического анализа). Статья 1 // Общественные науки и современность. 2008. № 2. С. 5—23.